

Gerald
DURRELL
1925 – 1995

Джеральд
ДАРРЕЛЛ

*Моя семья
и другие звери*

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 20

Gerald Durrell
MY FAMILY AND OTHER ANIMALS
Copyright © 1956 by Gerald Durrell
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Таска

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-24367-5

© С. Э. Таск, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности — результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

*Уильям Шекспир. Как вам это понравится
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)*

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

В иные дни я успевала поверить в десяток
невозможностей до завтрака!

*Белая королева в «Алисе в Стране чудес»
(Перевод Н. Демуровой)*

Это рассказ о пятилетнем пребывании нашей семьи на греческом острове Корфу. Он задумывался как описание местной природы, с ностальгическими нотками, но я совершил большую ошибку, представив моих близких на первых же страницах. Закрепившись на бумаге, они принялись захватывать пространство и приглашать самых разных друзей, чтобы разделить с ними главы этой книги. Лишь с огромным трудом и всяческими ухищрениями мне удалось сохранить отдельные страницы, посвященные исключительно животным.

Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно

уточнил: она вдова, — поскольку, как она весьма проныцательно заметила, мало ли что люди могут подумать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, наблюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем «Британская энциклопедия», мне пришлось складывать, перекраивать и подрезать материал, в результате чего от первоначальной последовательности событий мало что осталось. А еще я был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольствием бы описал.

Сомневаюсь, что эта книга была бы завершена без помощи и горячей поддержки следующих людей. Упоминаю же я об этом для того, чтобы было на кого переложить вину. Итак, моя благодарность:

Доктору Теодору Стефанидесу. С характерным великодушием он позволил мне использовать наброски для своей неопубликованной работы, посвященной Корфу, и подкидывал мне убойные каламбуры, часть из которых я пустил в ход.

Моим домашним, которые, сами того не желая, поставляли мне необходимый материал и оказывали неоценимую помощь при написании книги тем, что всё яростно оспаривали, почти никогда не соглашаясь с тем или иным фактом, насчет которых я с ними советовался.

Моей жене, радовавшей меня гомерическим хохотом во время чтения рукописи, после чего следовало признание, что это ее так забавляли мои орфографические ошибки.

Моей секретарше Софи, ответственной за расстановку запятых и безжалостное удаление расщепленных инфинитивов.

Я хотел бы выразить особое признание моей матери, которой посвящена эта книга. Подобно доброму, энергичному, чуткому Ною, она провела свой ковчег с чудаковатым потомством по бурным житейским волнам, проявив величайшую сноровку и постоянно сталкиваясь с возможным бунтом на корабле, то и дело рискуя сесть на мель перерасходов и излишеств, без всякой уверенности, что ее навигационные способности будут одобрены командой, зато прекрасно понимая, что все шишки свалятся на нее, если что-то пойдет не так. То, что она выдержала это испытание, можно считать чудом, а она его выдержала и, больше того, сумела при этом сохранить рассудок. Как справедливо говорит мой брат Ларри, мы можем гордиться тем, как мы воспитали нашу мать; она делает нам честь. Она обрела состояние счастливой нирваны, когда уже ничто не может повергнуть в шок или удивить, что доказывает хотя бы недавний пример: на выходных, когда она была одна в доме, неожиданно доставили сразу несколько клетей с двумя пеликанами, красным ибисом, грифом-стервятником и восемью обезьянами. При виде такого контингента более слабый смертный, скорее всего, дрогнул бы, но только не моя мать. В понедельник утром я нашел ее в гараже, где за ней гонялся разгневанный пеликан, которого она пыталась накормить консервированными сардинами.

— Дорогой, как хорошо, что ты пришел. — Она уже задыхалась. — Этот пеликан как-то не очень охотно идет на общение.

На мой вопрос, почему она решила, что это *мои* подопечные, последовал ответ:

— Дорогой, кто ж еще мог прислать мне пеликанов?

Это показывает, насколько хорошо она знает по крайней мере одного члена семьи.

Напоследок хочу подчеркнуть, что все истории об острове и островитянах не вымышленные. Жизнь на Корфу чем-то похожа на яркую комическую оперу. Атмосферу и очарование этого места, мне кажется, довольно точно отражала карта, выпущенная британским Адмиралтейством; на ней были показаны в деталях остров и береговая линия материка. А ниже, в рамочке, примечание:

Поскольку бакены, которыми отмечено мелководье, часто оказываются не на своих местах, морякам, заходящим в эти воды, следует проявлять бдительность.

Часть первая

Быть сумасшедшим — в этом есть услада,
Что ведома одним лишь сумасшедшим.

Джон Драйден. Испанский монах. II, 2

МИГРАЦИЯ

Колючий ветер задул июль, как жалкую свечу, и пригнал свинцовое августовское небо. Зарядила игольчатая жалящая морось, которая при порывах ветра гуляла туда-сюда матово-серой простыней. На побережье Борнмута пляжные кабинки обращали свои бесстрастные деревянные лица к серо-зеленому, пенно-гребешковому морю, жадно накатывавшему на бетонный мол. Шквальными порывами чаек задувало в город, и они носились над крышами домов, раскинув напряженные крылья и сварливо голоса. Эта погодка станет испытанием для кого угодно.

В подобный день моя семья в целом производила не слишком благоприятное впечатление, поскольку такая погода приносила с собой обычный набор болезней, которым все мы были подвержены. Я, растянувшийся на полу и наклеивавший метки на коллекцию ракушек, подхватил простуду, мгновенно забившую, словно цементом, всю носовую полость, так что приходилось с хрипом дышать открытым ртом. Мой брат Лесли, съжившийся жалкой тенью у горящего камина, страдал воспалением среднего уха, и уши у него постоянно кровоточили. У моей сестры Марго повысыпали новые прыщи на лице, которое и без того напоминало красную вуалетку. У матери разыгрался сильный насморк и приступ ревматизма

в придачу. И только мой старший брат Ларри был как огурчик, если не считать того, что его раздражали наши недомогания.

С него-то все и началось. Остальные были слишком вялые, чтобы размышлять еще о чем-то, кроме своих болезней; Ларри же был задуман самим Провидением как такой мини-фейерверк, взрывающийся идеями в чужих головах, после чего он по-кошачьи тихо сворачивался и не брал на себя никакой ответственности за последствия. К вечеру его раздражительность достигла пика. В какой-то момент, задумчиво обведя взглядом комнату, он избрал мать как главную виновницу всех несчастий.

— Почему мы терпим этот мерзкий климат? — неожиданно спросил он, кивая на окно, вид за которым был неузнаваемо искажен потоками дождя. — Только посмотри! А еще лучше, посмотри на нас... Марго похожа на плошку багровой овсянки... Лесли забил в каждое ухо по четырнадцать саженей ваты... Джерри дышит так, словно родился с волчьей пастью... А ты? С каждым днем выглядишь все дряхлее и подавленнее.

Мать оторвалась от фолианта, озаглавленного «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Ничего подобного! — возмутилась она.

— Да, — настаивал на своем Ларри. — Ты начинаешь походить на ирландскую прачку... а твои домочадцы могли бы послужить иллюстрациями для медицинской энциклопедии.

Не придумав хлесткого ответа, мама довольствовалась свирепым взглядом, прежде чем снова уткнуться в книгу.

— Нам нужно солнце, — продолжал Ларри. — Лес, ты со мной согласен? Лес?.. Лес... Лес!

Лесли вытащил из уха здоровый пучок ваты.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Вот видишь! — Ларри победоносно развернулся к матери. — Разговор с ним превратился в целую стратегическую операцию. Я спрашиваю тебя, как с этим можно жить? Один не слышит, что ему говорят, а слова другого невозможно разобрать. Пора уже что-то сделать. Я не могу сочинять бессмертную прозу в атмосфере мрака и эвкалипта.

— Да, дорогой, — отозвалась мать туманно.

— Нам всем требуется солнце. — Ларри снова решительно зашагал по комнате. — Нам нужна страна, где мы можем *расти*.

— Да, дорогой, это было бы хорошо, — согласилась мать, слушая его вполуха.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он очень хвалит Корфу. Почему бы нам не упаковать чемоданы и не отправиться в Грецию?

— Очень хорошо, дорогой. Если тебе так хочется, — опрометчиво сказала мать.

Обычно с Ларри она держалась начеку, чтобы ее потом не поймали на слове.

— Когда? — тут же уточнил он, несколько удивленный такой покладистостью.

Поняв, что совершила тактическую ошибку, мать аккуратно положила «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Мне кажется, было бы разумно, дорогой, если бы ты поехал сам и подготовил почву, — нашлась она с ответом. — Потом ты мне напишешь, что все устроено, и тогда уже мы все сможем приехать.

Ларри смерил ее уничтожающим взглядом.

— То же самое ты говорила, когда я предложил поехать в Испанию, — напомнил он ей. — А в результате я просидел два нескончаемых месяца в Севилье в ожидании вашего приезда, а ты только и делала,

что писала мне пространные письма с вопросами о водостоке и питьевой воде, как будто я какой-нибудь городской служащий. Нет уж, если ехать в Грецию, то всем вместе.

— Ларри, ты преувеличиваешь. — В голосе матери зазвучали жалобные нотки. — И вообще, не могу же я вот так взять и поехать. Надо сначала как-то разобраться с этим домом.

— Разобраться? Господи, да что тут разбираться? Продай его.

— Что ты, я не могу. — Его предложение потрясло ее до глубины души.

— Это почему же?

— Я ведь его только купила.

— Вот и продай, пока он еще в нормальном состоянии.

— Дорогой, не говори глупости, — произнесла она твердо. — Исключено. Это было бы безумием.

Короче, мы продали дом и умчались подальше от тоскливого английского лета, как стая перелетных ласточек.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Когда мы на таможне открыли наши чемоданы для осмотра, их содержимое четко отражало характер и интересы каждого. Так, багаж Марго состоял из просвечивающих одеяний, трех книжек о похудании и целой батареи флакончиков с разными эликсирами для выведения прыщиков. Лесли уложил парочку глухих свитеров и брюки, в которые были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка «Сам себе оружейный мастер» и подтекающая бутылка смазочного масла. Ларри взял с собой два сундука книг и кожаный чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен

между одеждой и книгами по садоводству и кулинарии. Я прихватил только то, что должно было мне скрасить утомительное путешествие: четыре пособия по естествознанию, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья, содержащую гусениц, грозящих вот-вот превратиться в куколок. Вот так, по нашим меркам во всеоружии, мы покинули промозглые берега Англии.

Дождливая и печальная Франция, похожая на рождественский пирог Швейцария, шумная и благоухающая Италия промелькнули в окне, оставив лишь смутные воспоминания. Небольшой кораблик отчалил от итальянского каблучка в предзакатное море, и, пока мы спали в душных каютах, в какой-то момент своего движения по лунной морской дорожке он пересек невидимую разделительную черту и вошел в яркий зазеркальный мир Греции. Видимо, эта перемена постепенно проникла в нашу кровь, потому что мы все проснулись с первыми лучами солнца и высыпали на верхнюю палубу.

Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, начинало желтеть. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной оберткой. Это был Корфу, и мы напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь

остров с горами, словно спящими под скомканным коричневым одеялом, а в складках прятались зеленые оливковые рощицы. Вдоль изгибистой береговой линии тянулись пляжи, белоснежные, как бивни слона, с рассыпанными здесь и там вкраплениями золотистых, рыжеватых и белых скал. Мы обогнули северный мыс, являвший собой гладкое ржаво-красное плечо с вырезанными в нем огромными пещерами. Темные волны понемногу относили наш пенный кильватер в сторону пещер, и уже там, перед отверстыми зевами, он с жадным шипением распадался среди скал. А потом горы постепенно сошли на нет, и взгляду предстало серебристо-зеленое переливающееся море оливок и отдельные черные кипарисы, торчащие на голубом фоне назидательно вздернутыми указательными пальцами. Вода в бухтах, на мелководье, была лазоревого цвета, и даже сквозь шум паровых двигателей можно было слышать доносящийся с берега пронзительно-победный хор цикад.

НЕВЕДОМЫЙ ОСТРОВ

Из шумной суетливой таможни мы выбрались на залитую солнцем набережную. Вокруг раскинулся город, уходящий уступами вверх, с хаотично разбросанными пестрыми домами, чьи распахнутые зеленые ставни напоминали крылья ночных бабочек — несметный рой. За нами лежал залив, гладкий как тарелка, отливающая нереально огненной синевой.

Ларри быстро шагал с гордо поднятой головой и такой королевской надменностью на лице, что никто не обращал внимания на его росточек, он же бдительно приглядывал за носильщиками, тащившими его сундуки. За ним поспешал низкорослый крепыш Лесли с воинственностью в глазах, а дальше трусила Марго со своими ярдами муслина и батареей склянок с примочками. Мать, этакая тихая, забитая миссионерка среди бунтовщиков, против воли дотащилась на поводке у буйного Роджера до ближайшего фонарного столба, где и стояла в прострации, пока он освобождался от избытка чувств, накопившихся за время долгого сидения взаперти. Ларри выбрал два изумительно ветхих конских экипажа. В один загрузили весь багаж, а во второй уселся он сам и недовольно оглядел нашу компанию.

— Ну? — спросил он. — И чего мы ждем?

— Мы ждем нашу мать, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарь.

— О господи! — Ларри принял образцовую осанку и закричал: — Мама, давай уже! Неужели собака не может подождать?

— Иду, дорогой, — отозвалась мать как-то покорно и неискренне, поскольку Роджер не изъявлял никакого желания расстаться с фонарным столбом.

— От этого пса всю дорогу одни хлопоты, — сказал Ларри.

— Не будь таким нетерпеливым, — возмутилась Марго. — Это его природа... К тому же в Неаполе мы прождали *тебя* целый час.

— У меня было расстройство желудка, — холодно заметил ей Ларри.

— У него тоже может быть расстройство желудка, — торжествуя объявила Марго. — Все одним миром мазаны.

— Ты хочешь сказать, что мы одного поля ягоды.

— Не важно, что я хотела сказать. Вы друг друга стоите.

В этот момент подошла мать, несколько растрепанная, и перед нами встала задача, как поместить Роджера в экипаж. Впервые столкнувшись с таким передвижным средством, он к нему отнесся с подозрением. В конце концов нам пришлось вручную, под отчаянный лай, запихнуть его внутрь, потом, отдуваясь, забраться самим и крепко его держать. Лошадь, напуганная всей этой возней, пустилась рысью, и в какой-то момент мы все устроили на полу кучу-малу, под которой громко поскуливал Роджер.

— Хорошенькое начало, — горько посетовал Ларри. — Я рассчитывал, что мы въедем, как король со свитой, и что получилось... Мы появляемся в городе, как труппа средневековых акробатов.

Даррелл Дж.

Д 20 Моя семья и другие звери : роман / Джеральд Даррелл ; пер. с англ. С. Таска. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-24367-5

«Моя семья и другие звери» — это «книга, завораживающая в буквальном смысле слова» (*Sunday Times*) и «самая восхитительная идиллия, какую только можно вообразить» (*The New Yorker*). С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоуренса Даррелла — будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз — в 2016–2019 годах, когда британская компания ITV выпустила четыре сезона сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»).

Роман публикуется в новом полном переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Kingа и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ
МОЯ СЕМЬЯ
И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Валентина Гончар, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Y-VAK-33342-01-R